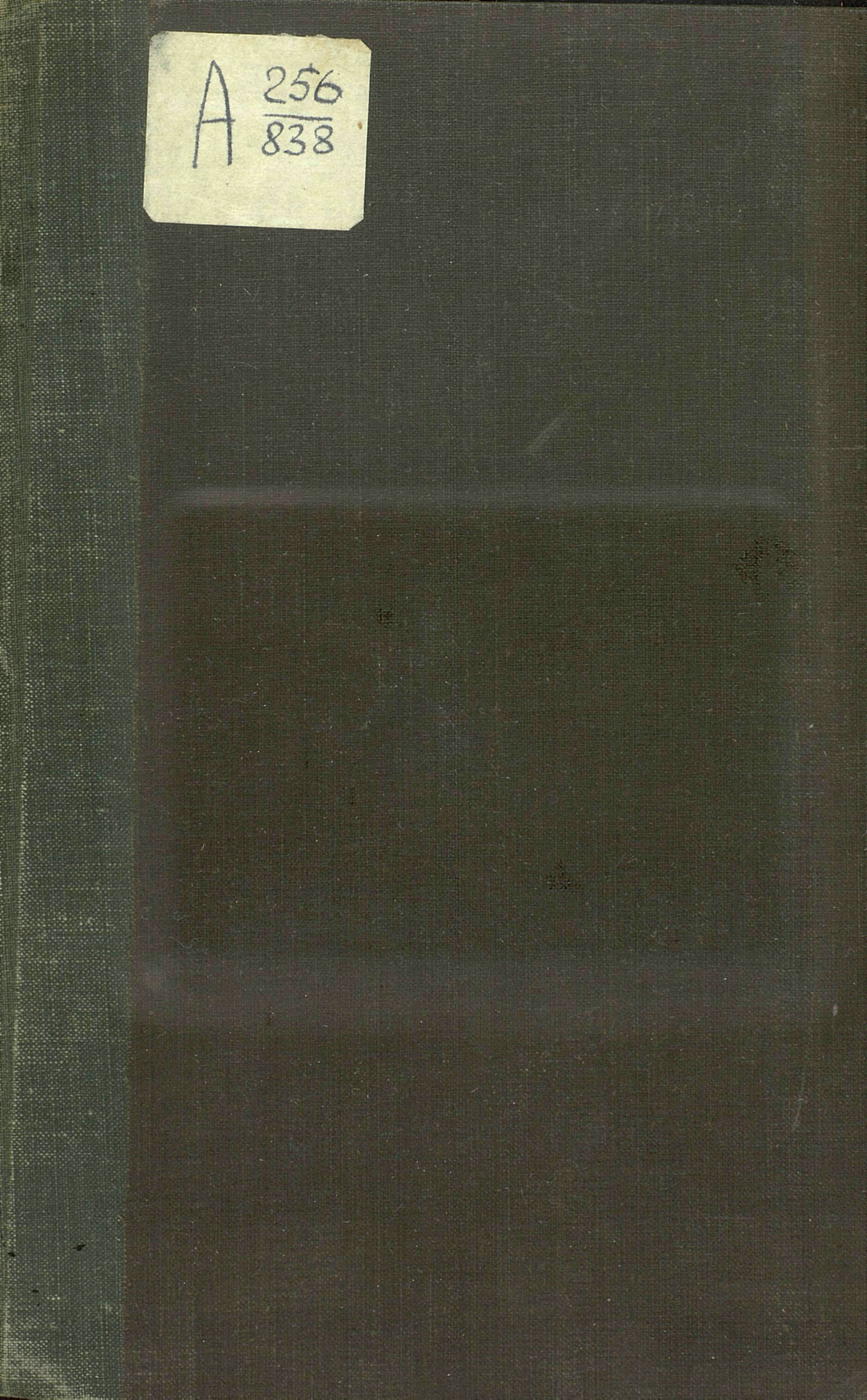

2007056201

Изъ поѣздки къ лѣснымъ башкирамъ.

На моемъ пути изъ Уфы въ Верхнеуральскій уѣздъ, куда я ѣхалъ съ цѣлью нѣкоторыхъ этнографическихъ и антропологическихъ наблюденій среди лѣсныхъ башкиръ, Александровскій заводъ являлся конечнымъ пунктомъ, до котораго можно было доѣхать въ экипажѣ; дальнѣйшій путь предстояло дѣлать уже верхомъ.

Заводъ расположенъ въ котловинѣ, и издалека его не видать. Наружный видъ завода носитъ на себѣ характеръ бѣдности и запущенности. Это не то, что наши обычные уральскіе заводы: плохія постройки, развалившіеся дворы, во многихъ домахъ заколочены окна и т. п. Заводъ этотъ принадлежитъ г-жѣ К—вой и когда-то славился выплавкой мѣди, но въ настоящее время совсѣмъ не дѣйствуетъ [1]). О быломъ его говорятъ полуразвалившаяся плотина, нѣкоторыя заводскія зданія, пришедшія въ ветхость, да доменная печь. На заводской площади стоитъ столбъ съ колоколомъ, когда-то служившимъ для призыва рабочихъ на работу.

Когда я съ своимъ спутникомъ М. выѣхалъ изъ Александровскаго завода, былъ полдень. Жара стояла невыносимая. На улицахъ видны были ребята да лошади, коровы и овцы, выгнанныя изъ лѣса комарами и оводомъ и искавшія убѣжища около домовъ

---

[1]) Заводъ построенъ еще въ прошломъ столѣтіи (1752—1753 г.) симбирскими купцами Твердышевымъ и Мясниковымъ. Ими же были построены заводы: Богоявленскій (мѣдноплавильный), Усть-Китивскій (желѣзный) въ 1758 г., Симскій (тоже желѣзный) въ 1754 г. и Верхотурскій (мѣдноплавильный) въ 1754 г. Архангельскій заводъ находится на рѣкѣ Аскинѣ, въ 100 верстахъ отъ уѣзднаго города Стерлатинска.

или заборовъ. Рѣка почти пересохла; мостъ, когда-то, видимо, хорошо построенный, разрушился. Вправо, невдалекѣ отъ него, виднѣлись остатки плотины: шлюзы почти совсѣмъ сгнили, перила свалились. Переѣхавъ рѣку и послѣднюю улицу, за которой тотчасъ же начинался выгонъ, мы направились по берегу пруда. Прудъ занималъ громадную площадь,—противоположный отъ насъ берегъ далеко уходилъ вдаль и терялся гдѣ-то на границѣ съ лѣсомъ. Значительная часть его заросла камышемъ.

„А вотъ здѣсь, гдѣ мы ѣдемъ, все былъ прудъ“ — замѣтилъ нашъ проводникъ. „Еще на моихъ глазахъ здѣсь была вода,— нельзя было проѣхать, а теперь и кочекъ-то не осталось. Камышъ осилилъ, пожалуй, и весь такъ прудъ затянетъ. А сколько,— продолжалъ онъ, - бывало въ этомъ пруду рыбы—и Боже ты упаси. На всю округу славилась рыба изъ здѣшняго пруда. Когда ушли господа, такъ ловить не давали зря,—время, вишь, для того было назначено. Какія были здѣсь щуки, лещи или окуни—на удивленіе! Разъ, говорятъ, поймали такую щуку, что едва справились съ ней. Мелкую рыбу не ловили, а теперь ловятъ зря, кто чѣмъ захочетъ... Вишь, вотъ ѣдутъ тамъ на ботахъ (родъ челнока) съ переметами“...

Дѣйствительно. невдалекѣ ѣхало нѣсколько человѣкъ на двухъ ботахъ, въ которыхъ находились рыболовныя снасти. Объѣхавъ прудъ, мы свернули немного вправо, углубляясь въ большой хвойный лѣсъ. Узкая, съ избитыми колеями дорога, какъ змѣйка, вилась между деревьями. Лѣсъ былъ смѣшанный но большая часть состояла изъ сосны и березы. Черезъ 2 — 3 часа мы доѣхали до поселка Сирбая. Въ немъ не болѣе 20 дворовъ, раскинувшихся по обоимъ берегамъ рѣчки Сирбай, составляющей одинъ изъ притоковъ рѣки Басы. Обитатели этого поселка— выходцы изъ крестьянъ Вятской губерніи, которые купили у владѣльцевъ Архангельскаго завода около 1000 десятинъ земли за 7500 р. при посредствѣ крестьянскаго банка и раздѣлили между собою, соотвѣтственно взносу каждаго. Земля черноземная и, говорятъ, очень хорошая. Есть у нихъ и луга, и лѣса. Судя по разсказамъ самихъ крестьянъ, жить имъ здѣсь лучше, чѣмъ у себя на родинѣ. Отъ завода поселокъ отстоитъ въ 10 верстахъ. Въ 3 или 4-хъ верстахъ отъ него, въ лѣсу находится башкирская деревня Тереклы, жители которой въ данное время всѣ уже вы-

ѣхали на кочевку. Начиная отъ Тереклей и далѣе на востокъ, идутъ уже все башкирскія земли и лѣса, окруженные владѣніями или частныхъ горныхъ заводовъ: Симскихъ, Катавскихъ и Юрезанскихъ, или казенными (Златоустовскими); къ башкирскимъ же землямъ примыкаютъ владѣнія Авзянъ-Петровскаго завода, Бѣлорѣцкихъ, Богоявленскаго и Архангельскаго. Строго говоря, башкиры даже и не знаютъ точно границъ своей земли.

Отъ Тереклей дорога совсѣмъ уже дѣлается лѣсной тропой, узкой и крайне извилистой, каменистой. Нѣсколько разъ пришлось переѣзжать рѣчку Басу, составляющую притокъ Инзера. Берегъ этой рѣчки крутъ, каменистъ, во многихъ мѣстахъ пересѣкается оврагами, заросшими чернолѣсникомъ, оплетенными дикимъ хмелемъ, какъ ліанами; въ промежуткахъ между ними встрѣчаются кустарники малины, рябины, черемухи и т. п. Весной Баса, какъ и всѣ горныя рѣчки, несетъ массу воды и вырванныхъ и свалившихся деревьевъ.

Доѣхавъ до первой кочевки (Тереклинской), состоящей только изъ одной юрты, мы остановились дать отдыхъ лошадямъ. У дверей кочевки сидѣлъ пожилой башкиръ, поправляя косы. Какъ знакомый моего спутника, онъ любезно встрѣтилъ насъ и сейчасъ же предложилъ кумыса и малины. Отъ Тереклинской кочевки вверхъ по рѣчкѣ Басѣ встрѣчаются небольшіе участки пашенъ, луговъ, много замочекъ луба (одно изъ занятій лѣсныхъ башкиръ — приготовленіе луба, мочалы и т. п.); мѣстами по рѣчкѣ поставлены морды для ловли рыбы. Берега р. Басы густо поросли ольхой, кустами черемухи, малины и смородины. Направленіе ея крайне извилистое; иногда какъ-будто она совсѣмъ скрывается и затѣмъ снова разливается, образуя плёсо, на которомъ спокойно плаваютъ стада утокъ, и гдѣ-нибудь отдѣльно у берега нырки, чирки и т. п. Дорога поднимается на одинъ изъ продольныхъ гребней южнаго Урала (Зильмердака), пересѣкая нѣсколько неглубокихъ ложковъ и овраговъ, поросшихъ кустарниками. Извиваясь между громадными каменьями, тропинка то вдругъ опускалась на дно крутого, каменистаго оврага, то поднималась почти отвѣсно на скалу, на которую необыкновенно ловко карабкаются наши лошади, уже привычныя къ такимъ тропинкамъ.

Тропинка во многихъ мѣстахъ была загромождена срубленнымъ лѣсомъ: цѣлые дубовые стволы, въ аршинъ и болѣе въ попереч-

никѣ, спокойно гніютъ, какъ никому не нужные; срублены они были только для того, чтобы утилизировать нижнюю часть ствола для бочки или для пчелиныхъ бортей, а остальное брошено; много также встрѣчалось ободранныхъ для луба липъ. Нѣкоторыя деревья, падая, зацѣпляются за другія и своими громадными вѣтвями и сучьями еще болѣе загромождаютъ дорогу. Грустную картину разрушенія грандіозныхъ богатствъ лѣса представляетъ южный Уралъ! Громадныя деревья въ нѣсколько обхватовъ толщины, срубленныя весной или зимой, лежатъ на землѣ и гніютъ. Другіе лѣсные великаны, какъ-то: ели (Pinus abie), пихты (Pin. Pichte), сосны (Pin. silvest), лиственницы (Pin. lorie), дубы (Quercus pedonal.) и т. п., подрублены или потеряли часть коры и обречены на преждевременную погибель. Масса валежника и сушника могла бы служить для отопленія, а между тѣмъ все это гибнетъ. Башкиръ рубитъ всегда свѣжее и болѣе лучшее изъ деревьевъ и притомъ рубитъ не у самаго корня, а на уровнѣ своей груди, не желая нагибаться и утомлять себя. Вслѣдствіе этого громаднѣйшій пень пропадаетъ даромъ. Посмотришь, какъ варварски истребляется этотъ лѣсъ, и невольно задумываешься надъ тѣмъ, что, можетъ быть, не далеко то время, когда и здѣшнему Уралу грозитъ полное обезлѣсеніе. Да, впрочемъ, это уже и есть въ нѣкоторыхъ участкахъ Урала, особенно заводскихъ, гдѣ лѣсъ вырубается не менѣе хищнически, чѣмъ самими башкирами.

Башкиръ, уничтожая лѣсъ, не думаетъ, что онъ самъ себя обрекаетъ на голодную смерть, такъ какъ лѣсъ для него составляетъ здѣсь насущный источникъ существованія. О земледѣліи здѣшній башкиръ еще не думаетъ. „У насъ урманъ (лѣсъ) много“,— говоритъ Инзерскій башкиръ, — намъ будатъ, а когда кунчалъ, тогда куда-нибудь гулять будемъ (пойдемъ)...“

Дорога становилась все труднѣе, и мы подвигались медленно, почти шагомъ; часто приходилось объѣзжать громадные стволы деревьевъ, загромождавшихъ дорогу. Къ вечеру мы доѣхали до кочевки Зуякъ, находящейся на одной изъ вершинъ отроговъ хребта Ильмярзяка [1]. Здѣсь должна была быть наша ночевка. Мѣстность здѣсь крайне живописная: на вершинѣ горы, со всѣхъ сторонъ окруженной

[1]) Уренгайскій хребетъ въ Верхне-уральскомъ уѣздѣ постепенно повышается и представляетъ отдѣльныя возвышенности, значительной для Урала величины, именно — Яманъ-Тау (5100 ф.), Иремель (5062 ф.), Зигильча (4872 ф.), Нары

прекраснымъ хвойнымъ лѣсомъ, среди зелени и цвѣтовъ, раскинулись въ живописномъ безпорядкѣ кочевки башкиръ. Однѣ изъ нихъ пріютились между стволами громадныхъ столѣтнихъ сосенъ, другія — гдѣ-нибудь у пригорка, третьи — по срединѣ луга. Внизу подъ горой слышенъ шумъ горнаго ручья. Царившая кругомъ въ лѣсу тишина не гармонировала съ тѣмъ шумомъ и крикомъ, какой происходилъ на кочевкѣ. Когда мы подъѣзжали сюда, обитатели ея уже возвращались съ работъ (былъ сѣнокосъ); ребята съ визгомъ и крикомъ носились за овцами и жеребятами, загоняя ихъ; женщины кричали на дѣтей. Мѣстами зажигались костры и готовился скромный ужинъ лѣсника-башкира.

Кочевка лѣсника-башкира совсѣмъ не то, что у степнаго башкира. Здѣсь, вмѣсто бѣлыхъ или темно-сѣрыхъ кошей, которыми пестритъ степь, встрѣчаете маленькія, низкія избушки, въ родѣ нашихъ крестьянскихъ погребовъ или скорѣе полевыхъ избушекъ, покрытыя драньемъ или лубомъ, съ низкими дверями, всегда почти безъ оконъ. Почти около каждой кочевки находится дворикъ, обнесенный изгородью, куда на ночь загоняется скотъ. Пола и потолка нѣтъ; на землю иные кладутъ доски или растилаютъ кошмы. Чаще всего помѣщеніе раздѣляется на двѣ половины: первая, такъ сказать, прихожая, служитъ для приготовленія кушанья; здѣсь же устраивается и очагъ, склады незатѣйливой провизіи и другихъ мелочей; вторая, отдѣленная стѣной или занавѣской, служитъ спальной, гдѣ находятся низкія нары со всѣмъ домашнимъ скарбомъ, охотничьими принадлежностями, конскою сбруею и т. д. За отсутствіемъ оконъ, свѣтъ проникаетъ только черезъ открытыя двери да черезъ щели. Въ общемъ помѣщеніе содержится чисто. Такія кочевки лѣсной башкиръ устраиваетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, смотря по мѣсту передвиженія, — у иныхъ бываетъ до 3—5 и болѣе, такъ что лѣсной башкиръ, пріѣзжая на слѣдующій годъ на кочевку, находитъ уже готовымъ для себя помѣщеніе, между тѣмъ какъ степной башкиръ долженъ каждый разъ привозить съ собой кошъ и ставить его. Время выѣзда на кочевку зависитъ отъ того, когда стаетъ снѣгъ на горахъ и выростетъ трава. Выѣзжаютъ обыкновенно не ранѣе половины или конца мая, а иногда даже

(4260) и Ильмярзякъ (3177 ф.). Въ оврагахъ держится здѣсь снѣгъ иногда въ іюнѣ и даже іюлѣ.

и въ началѣ іюня; выѣзжаетъ вся деревня, — въ ней никто не остается, и деревня какъ-бы вымираетъ, заростая крапивой и коноплянникомъ.

Башкиръ, къ которому мы пріѣхали, какъ гостепріимный человѣкъ, тотчасъ пригласилъ насъ къ себѣ въ кочевку, лошадей велѣлъ взять своему сыну, а женѣ сказалъ, чтобы она готовила самоваръ. Съ свойственною башкирамъ любознательностью онъ приступилъ къ распросамъ, кто я, куда ѣду, зачѣмъ и т. д. Наскоро удовлетворивъ его любопытство, мы со спутникомъ отправились осматривать мѣстность, а также и остальныя кочевки. Около одной изъ нихъ стояла кучка башкиръ, о-чемъ то бесѣдовавшихъ. Невдалекѣ былъ разложенъ костеръ, и надъ нимъ висѣлъ котелъ, въ которомъ варилось мясо. Любезный хозяинъ, оказавшійся муллой, пригласилъ насъ къ себѣ, какъ гостей. По обычаю, мы не могли отказаться. Я началъ разсказывать муллѣ о цѣли моей поѣздки. Мулла молчаливо кивалъ головой и время отъ времени говорилъ: „эраръ, эраръ“ (хорошо).

На другой день, раннимъ утромъ, мы выѣхали далѣе. Съ гребней Зильмердака открывался прекрасный видъ. Вдали освѣщены вершины восходящимъ солнцемъ, а внизу, подъ горою растилается туманъ, клубами поднимаясь вверхъ, и какъ-бы густымъ бѣлымъ покрываломъ окутываетъ деревья. Наконецъ, мы достигли одного изъ высокихъ гребней горы (до 2500 мет.). Вершина средняго хребта Зильмердака покрыта хвойнымъ лѣсомъ, а ниже лежащая часть и склоны — чернолѣсникомъ, состоящимъ, главнымъ образомъ, изъ дуба, клена, вяза, березы, осины и осохори (Papulus pigra); послѣдней особенно много по долинамъ и берегамъ рѣкъ. Лиственница и пихта достигаютъ здѣсь громадныхъ размѣровъ. Съ восточнаго склона Зильмердака начинается спускъ въ долину рѣкъ Шуры и Инзера. Рѣка Шура идетъ съ большими уклонами, крайне извилиста и, какъ всѣ горныя рѣчки, съ каменистымъ дномъ. Теченіе ея быстрое, обрывистые высокіе берега покрыты густымъ лѣсомъ или кустарникомъ. Шумъ ея теченія далеко разносится по лѣсу, въ которомъ царитъ постоянная тишина. Съ трудомъ находится мѣсто для переѣзда ея, а переѣзжать приходится нѣсколько разъ. Нависшія скалы по долинѣ рѣки во многихъ мѣстахъ разрушились, и цѣлыя полосы каменныхъ розсыпей преграждали дорогу. И только привычная къ та-

кимъ дорогамъ башкирская лошадь идетъ свободно по этимъ каменистымъ глыбамъ. Мѣстами эти розсыпи наполняютъ цѣлые овраги и извѣстны у мѣстныхъ жителей подъ именемъ „каменныхъ ключей". О происхожденiи этихъ ключей у башкиръ существуетъ такое преданіе. Когда-то здѣсь была война между шайтанами (чертями) и ангелами, которая долго продолжалась, такъ какъ шайтановъ было много. На помощь къ ангеламъ были посланы еще новые, и тогда они, побѣдивъ шайтановъ, засыпали ихъ камнями, разрушивъ часть скалы. Вотъ почему эти мѣста башкиры всегда опасаются проѣзжать и, при проѣздѣ, никогда не разговариваютъ изъ опасенія разбудить какого-нибудь шайтана.

Вторая половина нашего пути до Инзера становится еще глуше, и въ то-же время величественнѣе выступаетъ могущество природы надъ человѣкомъ. Глушь непроходимая. Можно ѣхать цѣлый день и не встрѣтить ни одной души. Тишина стоитъ мертвая. Ни одного звука; ни одной птички, какъ нарочно, не прокричитъ. Молчаніе нарушается звуками шаговъ лошади, да гдѣ-нибудь затрещитъ сучекъ отъ слетѣвшаго тетерева или перебѣгающей бѣлки. Между тѣмъ горы полны аромата отъ цвѣтущихъ здѣсь черемухи, шиповника, разныхъ медоносныхъ травъ, а надъ всѣмъ этимъ вверху чистое голубое небо. Проѣзжая по такой дорогѣ, въ этихъ дикихъ мѣстахъ Урала, испытываешь какое-то особенное чувство, какой-то отчужденности, изолированности отъ людей, но въ то-же время, при въѣздѣ на вершины горъ или при спускѣ въ долины, наслаждаешься прекрасными видами этой дикой, почти дѣвственной природы Урала, куда не успѣла еще проникнуть хищническая рука лѣсника.

Въ нижнемъ теченiи рѣки Шуры, при впаденiи ея въ Большой Инзеръ, расположена башкирская деревня Османъ (Усманъ)-Галина. Отсюда долина Шуры становится болѣе широкою и ровною,—горы какъ-бы отходятъ вдаль, встрѣчаются луга и покосы. Около деревни Османъ-Галиной приходится переѣзжать рѣку Инзеръ, гдѣ она, найдя себѣ выходъ изъ стѣсняющихъ ее горъ, становится широкою, но не глубокою. Весной и въ дождливое время рѣка страшно бурлитъ и дѣлается непроѣзжей. Берега Инзера въ высшей степени живописны, и особенно ниже завода и вблизи его: это сплошныя сѣрыя скалы, почти перпендикулярно спускающіяся къ водѣ, мѣстами прорѣзанныя глубокими оврагами

и долинами. Какой прекрасный видъ открывается съ такихъ горъ, какъ Беллягушъ, Киратышъ, Ямантау (дурная гора) и друг.. Насколько труденъ подъемъ на эти горы, настолько чуденъ съ нихъ видъ на отроги Урала, съ лежащими между ними долинами, въ которыхъ, какъ въ уголкѣ, пріютились невзрачныя башкирскія деревушки.

Вотъ обитатели этихъ-то деревушекъ, раскинутыхъ между горъ и по берегамъ горныхъ рѣчекъ, и служили предметомъ моихъ наблюденій и изслѣдованій. Въ раіонъ этихъ изслѣдованій вошли деревни: Османъ-Галина, Софоргулова, Нукатова, Ново-хасанова, Сирменева, Зуякъ, Манышты, Курукулякова, Кумбау, Бирдегулова, Ташлины, Арянхулова, Аисова и Старо-Хасанова. Всѣ эти деревни находятся въ болѣе или менѣе недалекомъ разстояніи отъ владѣній С. И. фонъ-Дервиза, которому принадлежитъ около 100 т. десятинъ земли. Сравнивая мѣстоположеніе деревушекъ лѣсныхъ башкиръ съ степными, невольно отдаешь предпочтеніе первымъ. Деревни лѣсныхъ башкиръ (большею частію небольшія,—въ нѣсколько десятковъ домовъ) расположены обыкновенно или въ долинахъ, съ одной стороны защищенныхъ какой-нибудь горой съ прекраснымъ хвойнымъ лѣсомъ, съ другой омываемыхъ рѣкой, или же раскинуты по склонамъ горъ. Улицы въ деревняхъ широкія. По срединѣ селенія обыкновенно стоитъ невзрачная мечеть. Самыя избы—изъ сосноваго или березоваго лѣса, низкія, крытыя драньемъ или лубомъ, а то и совсѣмъ безъ крыши, которую замѣняетъ насыпанная земля, поросшая травой. Около каждаго дома имѣется небольшой дворикъ, обнесенный жердями, плетнемъ, а иногда и тонкими бревнами; сзади дома у нѣкоторыхъ находятся постройки для скота или амбаръ и т. д. Входъ въ избу зачастую прямо со двора. Изъ сѣней чрезъ небольшія двери, аршина въ 2 или $2^1/_2$ вышины, входъ во внутренность дома. По внутреннему своему устройству зимнія помѣщенія мало чѣмъ отличаются отъ помѣщеній степныхъ башкиръ. Стѣны обтесаны; между бревнами проложенъ тонкій слой мха. Полъ и потолокъ тесовые, но также плохо сколоченные, а потому нерѣдко съ потолка сыплется земля. Настилка пола дѣлается на балкахъ и перилахъ. Уѣзжая на кочевья, башкиры поднимаютъ нѣсколько досокъ съ пола. Это дѣлается будто-бы для того, чтобы провѣтрилось подпольное пространство, что съ санитарной точки зрѣнія очень

важно. Другіе же говорятъ, дѣлается это съ цѣлью показать, что всѣ обитатели дома выѣхали на кочевку.

Освѣщеніе въ избахъ недостаточное, что зависитъ отъ количества и размѣровъ оконъ. Обыкновенно одно или два окна выходятъ на улицу и одно маленькое во дворъ. Вышина оконъ не болѣе 12—16 вершковъ и ширина 8—12 вершковъ. Въ рамы вставляются стекла, а зимой натягиваются пузыри и, кромѣ того, закрываются ставнями, на подобіе русскихъ, чего мнѣ не приходилось встрѣчать у степныхъ башкиръ. Большую половину избы занимаютъ обычныя нары, съ разложенными на нихъ подушками, коврами и т. д. Иногда среди наръ оставляется промежутокъ, куда ставится столъ, на которомъ и ѣдятъ башкиры. У уральскихъ башкиръ намъ никогда не приходилось встрѣчать, чтобы они ѣли на столѣ, а всегда на полу или на нарахъ, на которыя разстилается скатерть. Надъ нарами укрѣпляется шнуръ для вѣшанія платья, одежды и т. п. и занавѣска, отдѣляющая женскую половину отъ мужской. Въ углу, около дверей, находится обычный чувалъ, обмазанный глиной; рядомъ съ нимъ закрѣпленъ въ печь котелъ для варки пищи и мытья бѣлья. Подобное явленіе, какъ мытье бѣлья въ томъ—же котлѣ, гдѣ, можетъ быть, незадолго передъ этимъ готовилась пища, обычное въ башкирской жизни, и при той обстановкѣ, въ какой они живутъ, и въ особенности при крайней скудости кухонной посуды. Въ нѣкоторыхъ избахъ приходилось встрѣчать и русскія печи, но сдѣланныя крайне нераціонально. Рядомъ съ чуваломъ огораживается небольшое пространство для мелкихъ животныхъ: козъ, овецъ, телятъ и т. п., куда ихъ и помѣщаютъ зимой. Можно представить, каковъ дѣлается воздухъ, когда скопляется народъ и эти животныя.

Земледѣліемъ башкиры почти совсѣмъ не занимаются, несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть участки земли, вполнѣ пригодные для этого. Главное ихъ занятіе—это *лѣсной промыселъ*, которымъ они занимаются почти круглый годъ. Работаютъ не только мужчины, но дѣти и даже женщины. Зимой они занимаются рубкою лѣса или дровъ, или по найму какого-нибудь лѣсопромышленника, или изъ своихъ дачъ для продажи. Кромѣ того, нѣкоторые занимаются вывозкою лѣса къ пристанямъ. Работаютъ дешево, да и то, по большей части, за забранныя впередъ отъ какого-нибудь лѣсопромышленника деньги, хлѣбъ и т. д. Какъ

дѣти природы, башкиры не умѣютъ, да и не могутъ цѣнить въ надлежащей степени своихъ богатствъ, и потому промышленники эксплоатируютъ ихъ и пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ обмануть башкира, и въ особенности это практикуется при вывозкѣ бревенъ; напр., башкиръ привезетъ бревна, ихъ примутъ, заклеймятъ и потомъ эти клейма стираютъ и говорятъ башкиру, что онъ доставилъ не столько бревенъ, сколько онъ считаетъ. Разсказывая про эти продѣлки прикащиковъ, башкиръ не выражаетъ озлобленія, а, напротивъ, какъ-бы удивленіе: „ай-ай, бульно хитеръ русакъ!“

Съ наступленіемъ весны начинается у башкиръ дранье лыка, сушка и затѣмъ лѣтомъ замочка его въ рѣкахъ. На пути къ Инзеру часто встрѣчаются въ рѣкахъ запруды изъ мокнущаго лыка. Подобное моченіе продолжается до осени. Изъ мочалы башкиры дѣлаютъ веревки, рогожи, сбрую и т. д. Все это продается или въ Архангельскомъ заводѣ, или въ Верхнеуральскѣ, а иногда на мочало являются скупщики, которые почти за безцѣнокъ скупаютъ весь этотъ товаръ. Иногда башкиръ везетъ лыко или издѣлія изъ него, навьючивъ на лошадь, верстъ за 70—80 и продаетъ его за ту-же почти цѣну, какую онъ могъ получить дома. Поѣздка башкира въ городъ съ своимъ товаромъ не составляетъ иногда его главной цѣли, а скорѣе предлогъ „мало-мало покалякать“, узнать новости на базарѣ. Дѣйствительно, башкиръ на базарѣ не столько продаетъ или покупаетъ, сколько ходитъ отъ лавки къ лавкѣ, гдѣ болѣе стоитъ народу, и слушаетъ, что говорятъ другіе.

Работаютъ башкиры, какъ намъ пришлось убѣдиться на вновь строющемся заводѣ на Инзерѣ, очень усердно и во всякомъ случаѣ не менѣе русскихъ; но у нихъ нѣтъ той сноровки и ловкости, какъ у послѣднихъ, а потому и кажется, что они плохо работаютъ. На заводѣ встрѣчались и землекопы, и плотники, и косцы и т. д. Плата имъ была одинаковая съ русскими. Несмотря на плохое питаніе и трудность для башкиръ работы, они все-таки исполняли ее аккуратно.

Обыкновенная пища лѣсного башкира слѣдующая: за завтракомъ, главнымъ образомъ, чай съ хлѣбомъ, а у болѣе зажиточныхъ—съ масломъ или молокомъ. Молока льютъ въ чай очень немного, при чемъ этой „разливкой“ занимается всегда самъ глава дома,—безъ него или его разрѣшенія никто не наливаетъ молока.

Къ обѣду, часовъ около 11—12, что-нибудь варится, чаще лапша (салма) и рѣдко мясо; затѣмъ опять тотъ-же чай. Вечеромъ почти всегда одинъ чай. Изъ растительныхъ продуктовъ въ употребленіи хлѣбъ, чаще ржаной (у степныхъ, наоборотъ, бѣлый); пекутъ лепешки и изъ пшеничнаго, ячменнаго и просянаго (для этого просо толкутъ въ ступкѣ и дѣлаютъ особаго рода лепешки). Изъ овощей капусты совсѣмъ не ѣдятъ; огурцы, картофель и особенно лукъ башкиры ѣдятъ съ большимъ аппетитомъ. Картофель садится немногими—за недостаткомъ сѣмянъ, а, главное, нѣтъ надлежащихъ мѣстъ для храненія. Изъ грибовъ болѣе всего ѣдятъ грузди въ свѣжемъ видѣ. Мясо ѣдятъ очень немногіе, хотя оно и составляетъ любимое кушанье. Готовятся изъ мяса тѣ-же кушанья, какъ и у степныхъ башкиръ. Если башкиръ закалываетъ овцу или барана, то всегда на это пиршество приглашаются гости или сосѣди изъ болѣе именитыхъ. Лакомствомъ у башкиръ служитъ медъ, который они имѣютъ въ достаточномъ количествѣ, а лѣтомъ также ягоды, изъ которыхъ они приготовляютъ особаго рода пастилу (кукъ).

Пчеловодство у башкиръ бортевое. Борти выдалбливаютъ изъ обрубка липы, дуба или сосны и подвѣшиваютъ на деревьяхъ. Иногда борти прямо выдалбливаются или выжигаются въ старомъ стволѣ какого-нибудь дерева. Въ настоящее время, по заявленію самихъ башкиръ, пчеловодствомъ занимаются меньше, чѣмъ прежде. Но за-то теперь оно сосредоточено въ рукахъ нѣкоторыхъ болѣе состоятельныхъ башкиръ, которые имѣютъ пчельники гдѣ-нибудь въ укромныхъ уголкахъ Урмана. У нѣкоторыхъ башкиръ борти ставятся невдалекѣ отъ дома или даже во дворѣ. Количество сбираемаго меда бываетъ различное и зависитъ отъ урожая цвѣтовъ. На зиму борти не закрываются, и вообще особеннаго ухода за пчелами нѣтъ. Вся забота башкира о пчелахъ ограничивается тѣмъ, чтобы приготовить ко времени роенья новый улей и взять медъ изъ старыхъ. Уборка послѣдняго начинается рано, нѣкоторые достаютъ его даже съ 15—20 іюля, хотя по-настоящему уборка не должна быть ранѣе 6 августа. Прибѣгать къ осенней уборкѣ меда заставляетъ башкира нужда,—онъ спѣшитъ его продать. Продаютъ медъ отъ 5 до 10 р. за пудъ, и часть оставляютъ у себя для приготовленія напитка, подъ названіемъ „кислушки" (родъ нашего меда). Приготовляется этотъ напитокъ такъ: на

ведро кипяченой воды въ кадкѣ кладутъ отъ 5 до 7 ф. меда и затѣмъ прибавляютъ дрожжей или закваски (изъ пшена, ячменя) ковша два и плотно закупориваютъ. Дня черезъ два или даже три напитокъ уже готовъ. Пьютъ его, какъ кумысъ и, по большей части, только зимой. Кислушка болѣе хмѣльный напитокъ, чѣмъ кумысъ. Изъ другихъ напитковъ между лѣсными башкирами распространенъ также „айранъ", приготовляемый изъ кислаго коровьяго молока, смѣшаннаго съ водой (на ведро воды берется два большихъ горшка молока). Водку башкиры дома совсѣмъ не пьютъ, а если и случается кому-нибудь изъ нихъ выпить, то или въ городѣ, или въ русскомъ селеніи; но такихъ людей мало. Выпившій страшно боится встрѣтиться съ муллой, который можетъ подвергнуть виновника тяжелому наказанію. Въ силу условій природы, лѣсные башкиры не могутъ считаться чистыми скотоводами, какъ степные. Здѣсь вы не встрѣтите табуновъ лошадей, и послѣднихъ лѣсной башкиръ держитъ столько, сколько необходимо для домашняго обихода. Конечно, у болѣе богатыхъ башкиръ и лошадей сравнительно много. Въ большомъ количествѣ держатся коровы и овцы. На зиму для послѣднихъ дѣлаются запасы сѣна. Охота между лѣсными башкирами въ разныхъ ея видахъ значительно развита. Лѣсной башкиръ, можно сказать, по природѣ охотникъ, да трудно и не быть охотникомъ, живя въ такой мѣстности, гдѣ чуть не на каждомъ шагу встрѣчается разная дичь, начиная съ медвѣдя и кончая рябчикомъ. Степной башкиръ, если и занимается охотой, то болѣе всего травлей волковъ, ловлей зайцевъ и рѣдко охотится за дичью. Главная и наиболѣе распространенная у лѣсныхъ башкиръ охота на медвѣдя. Охотятся чаще всего съ такъ называемаго „лабаза", устраиваемаго на деревѣ, на высотѣ саженей двухъ отъ земли. Приманкою служитъ падаль, которая кладется невдалекѣ отъ дерева. Не обходится иногда безъ курьезовъ: или лабазъ падаетъ, или иной охотникъ не услышитъ, какъ медвѣдь спокойно съѣстъ приманку и уйдетъ. На зайцевъ башкиры охотятся рѣдко,—„не стоитъ за ними ходить и порохъ тратить", говорятъ они. Мясо хотя и съѣдаютъ, но неохотно; шкура продается. Иногда охотятся на лисицъ. Изъ птицъ больше всего охотятся на тетеревей, куропатокъ, рябчиковъ и т. п. Есть между нѣкоторыми башкирами-охотниками, которые охотятся на мелкую дичь (утокъ, гусей и т. п.) съ ястребомъ или соколомъ; но этотъ

родъ охоты постепенно исчезаетъ. Для обученія ястребъ или соколъ берется птенцомъ изъ гнѣзда и постепенно выучивается къ своей будущей профессіи. Обученный соколъ только и знаетъ своего хозяина, котораго одного и слушается. Ястребиная или соколиная охота въ настоящее время служитъ удовольствіемъ, чуть не праздникомъ для всей деревни, гдѣ имѣется соколъ. Хозяинъ ястреба торжественно ѣдетъ верхомъ или идетъ пѣшкомъ на охоту во главѣ толпы. Ястребъ сидитъ на рукѣ хозяина съ завязанными глазами. Какъ только попадается дичь, ястребъ спускается съ руки, быстро взлетаетъ вверхъ, откуда стремглавъ летитъ на свою добычу и моментально убиваетъ, вмѣстѣ падая на землю. Такой выученный ястребъ оставляется не болѣе, какъ на годъ и затѣмъ отпускается на волю.

Любимою охотою у лѣсныхъ башкиръ считается рыбная ловля (балыкъ-чи), преимущественно лѣтомъ. Ловятъ рыбу „мордами", сѣтями, бьютъ острогою и т. д. Охота съ острогою чаще всего производится на харюзовъ, красулю, щуку и т. п., партіями человѣка въ два-три и болѣе. Двое идутъ по берегу, высматривая, гдѣ стоитъ рыба, а третій верхомъ ѣдетъ по водѣ, и на его обязанности лежитъ бить рыбу. Вечеромъ съ огнемъ такого рода охота представляетъ много поэтическаго и своеобразнаго. Страсть къ подобнаго рода охотѣ у нѣкоторыхъ башкиръ такъ велика, что они, послѣ тяжелой дневной работы на заводѣ, нисколько не отдыхая, спѣшатъ на охоту, на которой и проводятъ почти всю ночь.

Говоря о занятіяхъ башкиръ-мужчинъ, нельзя пройти молчаніемъ и занятія башкирокъ. Хотя ихъ работы не такъ замѣтны, но на женщину возложены почти всѣ домашнія занятія и хлопоты. Онѣ должны топить печь, убирать избу и даже конскую сбрую, ходить за скотиной, смотрѣть за ребятами, прясть шерсть для кафтановъ, для рубахъ и т. п., доить коровъ, дѣлать масло и кислушку и участвовать во всѣхъ полевыхъ работахъ. Несмотря на такую разностороннюю дѣятельность, башкирская женщина въ семейныхъ дѣлахъ участія не принимаетъ, и голосъ ея, за рѣдкими исключеніями, не имѣетъ значенія. Допускаемое по корану многоженство постепенно исчезаетъ у башкиръ, — у рѣдкаго можно встрѣтить двѣ-три жены, у большинства — по одной; такъ, изъ опрошенныхъ мною 56 башкиръ оказалось только у 3-хъ по двѣ

жены, у остальныхъ—по одной. Причина этого лежитъ, съ одной стороны, части въ экономическихъ условіяхъ, а съ другой—въ семейныхъ. Многіе изъ башкиръ не въ состояніи вносить даже того калыма, который, сравнительно съ прежнимъ временемъ, значительно уменьшился, а потому платить за двухъ женъ уже слишкомъ затруднительно. Въ настоящее время платится калыма отъ 100 р. до 5 р. и извѣстное количество скота, смотря по состоянію. Часть калыма уплачивается тотчасъ по совершеніи брака. Существуетъ извѣстная обрядовая сторона и при принятіи калыма. Невѣста не отпускается въ домъ мужа до тѣхъ поръ, пока не будетъ выплаченъ весь калымъ. Въ обрядовой сторонѣ брака у лѣсныхъ башкиръ есть много сходнаго съ остальными башкирами, а потому не буду останавливаться на этомъ, и укажу на слѣдующій обычай. Женихъ до свадьбы приглашаетъ къ себѣ въ гости не только всѣхъ родственниковъ и знакомыхъ невѣсты изъ деревни, но и чужихъ, гдѣ живетъ невѣста. Нужно замѣтить, что лѣсной башкиръ всегда предпочитаетъ брать въ жены дѣвушку не изъ своей деревни, а изъ чужой, мотивируя это тѣмъ, что своихъ дѣвокъ знаетъ. Пригласивши этихъ гостей, женихъ угощаетъ ихъ кислушкой, кумысомъ, чаемъ, мясомъ и т. д. Такое угощеніе обходится не дешево, особенно при любви башкиръ выпить и поѣсть. Послѣ свадьбы то - же дѣлаютъ родственники невѣсты, приглашая знакомыхъ и родственниковъ жениха. Но такъ какъ такое значительное количество гостей, какое съѣзжается па приглашеніе, не можемъ помѣститься въ домѣ жениха или невѣсты, то ихъ размѣщаютъ по домамъ близкихъ знакомыхъ. Угощеніе продолжается дня два-три. Такія пиршества, конечно, устраиваются только богатыми башкирами. Свадебныя празднества среди башкиръ занимаютъ едва-ли не второе мѣсто послѣ праздника байрама.

Свадьбы чаще всего устраиваются зимой или весной и рѣдко лѣтомъ, потому что лѣтомъ, во-первыхъ, некогда гулять, а во-вторыхъ, башкиру не хочется отдавать изъ дома лишняго работника въ лицѣ своей дочери; зимой больше свободнаго времени, да и угощеніе есть на что сдѣлать. Возрастъ вступающихъ въ бракъ, сравнительно съ русскимъ, поздній,—никогда не женятся ранѣе 21—25 лѣтъ, и дѣвушки не выходятъ ранѣе 16—18 лѣтъ. Позднее вступленіе въ бракъ у мужчинъ обусловливается почти исклю-

чительно экономическими условіями и солдатчиной. Если башкиру предстоитъ очередь отбывать воинскую повинность, то до окончанія срока службы онъ никогда не женится. Согласія дѣтей на бракъ не спрашивается; все дѣло рѣшаютъ родители. Если родители находятъ, что для ихъ сына такая-то женитьба будетъ подходящая и выгодна, то они посылаютъ сватовъ къ родителямъ невѣсты. Заручившись согласіемъ послѣднихъ, отецъ жениха условливается относительно платы. Разводы между башкирами названной мѣстности рѣдки, несмотря на то, что поводовъ къ этому, по ихъ взглядамъ, много,—неумѣнье вести хозяйство (печь хлѣбъ, вымыть бѣлье, поставить самоваръ и т. д.), непослушаніе мужу и т. п. О желаніи развестись заявляютъ муллѣ, который въ присутствіи двухъ или трехъ свидѣтелей и записываетъ объ этомъ въ книгу. Что касается обращенія башкиръ съ своими женами, то его скорѣе можно назвать гуманнымъ; не смотря на порабощенность женщины, ея безотвѣтность, башкиръ относится къ своей женѣ мягко и почти никогда не бьетъ ее. Въ домашней жизни главой является отецъ.

Всѣ дѣти находятся въ подчиненіи ему. Послѣ смерти отца главой остается его жена, хотя-бы были взрослыя дѣти. Семейные раздѣлы между башкирами рѣдки; они прекрасно сознаютъ, что это невыгодно въ экономическомъ отношеніи какъ для всей семьи, такъ и для отдѣляющагося. Къ дѣтямъ башкиръ относится ласково; намъ не пришлось видѣть, чтобы они били своихъ дѣтей. До 3—4 лѣтъ ребенокъ всецѣло находится въ вѣдѣніи матери, которая за нимъ ходитъ и воспитываетъ; отецъ почти совсѣмъ или очень мало касается воспитательной стороны дѣтей въ этомъ возрастѣ; съ 4—5 лѣтняго возраста башкирскій мальчикъ всецѣло уже переходитъ въ вѣдѣніе отца, который прежде всего учитъ его ѣздить верхомъ, и, дѣйствительно. намъ не разъ встрѣчались такіе карапузы, сидящіе на лошади.

Что касается нравственной стороны лѣсныхъ башкиръ, то, насколько намъ лично пришлось наблюдать, лѣсной башкиръ стоитъ выше зауральскаго, степнаго башкира,—онъ гостепріименъ, услужливъ, безъ заискиванія на подачку. Если за послѣднее время и начинаетъ развиваться между башкирами хищность, обманъ и т. д., то этимъ они обязаны русскимъ и главнымъ образомъ торговцамъ, съ которыми имъ приходится имѣть дѣло. О конокрадствѣ

здѣсь почти не слышно, и это объясняется будто тѣмъ, что нынѣ, вблизи русскихъ поселеній, не у кого воровать и нѣтъ мѣста продавать краденое.

Не касаясь здѣсь религіозной стороны башкиръ, укажемъ только на нѣкоторые праздники. Самый большой праздникъ—это байрамъ, который бываетъ послѣ поста (уроза). Праздникъ продолжается три дня. Чтобы познакомиться съ этимъ праздникомъ и взглянуть, какъ онъ проводится, мы отправились въ одну изъ деревень, заброшенную среди горъ. Едва замѣтная тропинка вела насъ среди густаго лѣса. Вѣковыя гигантскія сосны, съ своими темными, вѣчно зелеными вершинами, представляли собою сплошную группу. Мѣстами между ними попадались сѣдыя ели и осокорь. Дорога шла все въ гору, по склону оврага, внизу котораго журчалъ ручеекъ. Поднявшись на вершину горы, на которой лѣсъ былъ выжженъ и торчали одни только пни и валялись сучья, мы остановились, чтобы дать отдыхъ лошадямъ. Кругомъ стояла мертвая тишина. При спускѣ съ горы внизъ, до насъ начали долетать неясные звуки голосовъ, лай собакъ и звонъ колокольчиковъ. Голоса становились все яснѣе и яснѣе. Переѣхавъ небольшую рѣчку, и за нею лѣсъ, мы въѣхали на вершину горы, на которой въ живописномъ безпорядкѣ были разбросаны небольшія башкирскія избенки съ полуразвалившимися крышами. На прилегающемъ лугу толпился народъ; въ иныхъ мѣстахъ были разложены костры, и около нихъ шло приготовленіе къ ѣдѣ. По срединѣ поляны стоялъ длинный шестъ для лазанья; невдалекѣ отъ него отведенъ особый кругъ, гдѣ должна была происходить борьба. Шумъ и говоръ все увеличивался, особенно шумѣли ребята. Но вотъ начались состязанія, сначала—бѣгъ. Дистанція была 2 версты, частію лѣсомъ, оврагами, и только около версты ровной мѣстностью; участвовали все взрослые. Первый, прибѣжавшій къ столбу, тутъ же упалъ, съ трудомъ дыша, съ раскраснѣвшимся лицомъ, налитыми кровью глазами. Его взяли подъ руки и начали водить. Послѣ бѣга начались состязанія въ лазаніи на шестъ, очень длинный и гладкій. Кто доползалъ до вершины, тотъ получалъ какой-нибудь незначительный подарокъ. Здѣсь болѣе ловкими оказались подростки. Въ то время, какъ происходили эти состязанія, молодыя женщины и дѣвушки невдалекѣ отъ домовъ устроили хороводы съ пѣніемъ.

Но самымъ интереснымъ на подобныхъ празднествахъ является

борьба (курушъ). Въ состязанія вступаютъ борцы не изъ одной только деревни, а изъ нѣсколькихъ,—каждая деревня выставляетъ своего борца. Борьба открывается сначала съ малолѣтнихъ, затѣмъ выступаютъ подростки. Борющіеся находятся въ кругу, который образуютъ присутствующіе зрители. Послѣ подростковъ начинается настоящее состязаніе. Передъ борьбой борцы снимаютъ съ себя почти всю одежду, за исключеніемъ нижняго бѣлья и рубахи, и подпоясываются кушаками, за которые и берутъ другъ друга. Взявшись за кушаки, они нагибаются впередъ и стараются свалить другъ друга или поднять и бросить черезъ себя. Иногда борьба затягивается надолго и кончается ничѣмъ. Поборовшій получаетъ призъ.

Послѣ борьбы, бѣганья и т. п. явились пѣвцы. Пѣсни дѣлятся башкирами на проголосныя и скорыя. Есть между ними отдѣльные пѣсельники и особенно дудочники (играющіе на кураѣ). Башкиры поютъ, большею частію, въ одиночку; хоровое пѣніе можно услышать только на зимнихъ вечеринкахъ, свадьбахъ и во время большихъ праздниковъ.

На ряду съ пѣснями, у башкиръ развита и инструментальная музыка и даже болѣе, чѣмъ первыя. Между музыкальными инструментами у нихъ болѣе всего распространенъ „курай“, родъ свирѣли, дѣлаемой изъ стебля полевого растенія, толщиною въ палецъ. Стебель обрѣзывается съ обоихъ концовъ, и на немъ продѣлываются 4 отверстія съ одной стороны, одно—съ другой. Звуки этого инструмента тихіе и пріятные. Игроки на кураяхъ (курайсы) пользуются широкой извѣстностью и часто приглашаются на свадьбы, вечера, праздники и т. п. За послѣднее время среди башкиръ начинаетъ встрѣчаться гармоника, заносимая въ глухую Башкирію солдатами, приходящими со службы.

Набросавъ краткую характеристику культурно-бытовой жизни лѣсного башкира, который, какъ видно, еще не вполнѣ сдѣлался осѣдлымъ и продолжаетъ вести полукочевой образъ жизни, скажемъ еще нѣсколько словъ объ его физическомъ типѣ. Не входя здѣсь въ подробное разсмотрѣніе вопроса о раздѣленіи башкиръ на степныхъ и лѣсныхъ (или горныхъ), вопроса, который въ послѣднее время вызываетъ немало споровъ между антропологами, замѣтимъ, что, по нашимъ даннымъ и наблюденіямъ, нельзя обобщать эти двѣ разновидности: и въ антропологическомъ, и этнографиче-

скомъ отношеніяхъ между ними существуетъ такое же различіе, какъ между луговыми и нагорными черемисами. По нашимъ наблюденіямъ, горные башкиры отличаются хорошимъ сложеніемъ, пропорціональностью въ своихъ частяхъ, съ незначительнымъ подкожнымъ жирнымъ слоемъ и развитыми мышцами. Сухощавые встрѣчаются чаще, чѣмъ толстые. Окружность груди всегда превышаетъ половину роста. Ростъ въ общемъ выше средняго, хотя значительное количество встрѣчается и средняго. Цвѣтъ кожи на открытыхъ мѣстахъ темновато-смуглый, съ желтоватымъ оттѣнкомъ, нерѣдко блестящій отъ развитія сальныхъ железъ. Что касается формы головы, то лѣсные башкиры кажутся скорѣе длинноголовыми, чѣмъ круглоголовыми; лицо—продолговатое, въ особенности въ профиль; скуловой діаметръ незначительный. Рѣдко и даже, какъ исключеніе, встрѣчаются широкія одутловатыя лица. Лобъ высокій, прямой. Носъ также чаще прямой, высокій, иногда съ небольшимъ горбомъ средней величины. Губы не толстыя; разрѣзъ рта горизонтальный. Брови или дугообразныя, или прямыя, густыя; глаза съ прямымъ прорѣзомъ, кругловатой формы. Радужная часть чаще каряго или темнаго цвѣта и, какъ исключеніе, голубоватаго. Цвѣтъ волосъ по преимуществу темнорусый или черный; борода рѣдкая, усы подстригаются или выдергиваются. Уши большія, оттопыренныя. Зубы чаще крупные, прямые, съ значительнымъ процентомъ каріозныхъ (многіе курятъ табакъ). Органы слуха и зрѣнія развиты хорошо. Женщины, сравнительно съ степными башкирками, болѣе высокаго роста, хорошаго тѣлосложенія, съ смуглымъ цвѣтомъ лица и продолговатой формы, съ длиннымъ, узкимъ носомъ, небольшимъ ртомъ и темнокарими глазами. Къ сожалѣнію, условія жизни и раннее замужество скоро дѣлаютъ башкирку по виду пожилой женщиной. По собраннымъ свѣдѣніямъ, башкирки малоплодовиты,—обыкновенное число дѣтей у нихъ не болѣе 4—5 человѣкъ. Климактерическій возрастъ наступаетъ между 40—45 годами, между тѣмъ какъ мужчина иногда до преклоннаго возраста сохраняетъ бодрость и силу. Смертность дѣтей у башкиръ громадная и нерѣдко достигаетъ до 70%.

Д. П. Никольскій.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Товарищество типографіи А. И. Мамонтова, въ Москвѣ.

2007056201